Полина Орынянская

г. Балашиха

Мой Китеж

На пруду у мостков даже удочку
не закинешь —
зацвело, водомерки уснули без задних лап.
Но златится на дне мой блаженный июль-
ский Китеж
с голубыми стрекозами в солнечных куполах.

На просёлке колотит по пыли хвостом
Чернушка —
хромоногий брехун, подобревший под ста-
рость чёрт...
А у лета ведь тоже бывает, представь,
макушка —
светло-русая (просто седые дожди
не в счёт).

У дороги на самой жаре (и смотреть-то
сладко)
красноглазо и дымчато, как на заре туман,
поспевает малина, печали моей заплатка.
От распаренной мяты полуденный ветер
пьян.

Наберёшь этих ягод пригоршню и ешь
с ладони.
И звенит... паутина на стебле? в цветке
роса?
Обернёшься и видишь: прозрачный
в далёком звоне
упирается Китеж соборами в небеса...

Муха в янтаре

Зима была корявой и скупой
на снег и синь, и солнце в этой сини.
Свинцовых туч болезненный припой
стекал на крыши, с крыш и между ними,
и чётких линий не было сто дней,
и света в мире не было темней,
и тьмы на свете не было тревожней.

Чего ждала? Не знаю. Ничего.
Не встретив, проводила Рождество…
Мне кажется, что я вот так, до дрожи,
всю зиму простояла у окна –
то гордо, то на всё готова, лишь бы…
И вечером была тебе видна
издалека, подсвеченная рыжим…

Бессмыслица… Как муха в янтаре…
Смешно и горько. Здравствуй и (тире)
входи же.

Сумрак. Видения

Сумрак приходит снаружи, живёт внутри.
О нервная бабочка боли, твой час настал:
сейчас загорятся холодные фонари.
Считай до ста.
До станции узловой, где туги узлы
забытых корней и вздутых синюшных вен.
До старого дома, где лезет полынь в полы,
и где из стен
торчат заржавелые гвозди — гвоздочки лет.
Былое до крови сдирает, саднит — хоть вой.
Мохнатая бабочка, видишь: тут всякий свой
летит на свет —
вливается вечная млечная мерзлота
сквозь щели в веках и веках. Считай до ста.

До ста.

Достаточно.